

DOI 10.15593/2224-9354/2017.4.18

УДК 316.61-053.85

Ю.С. Маркова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена анализу становления и реализации коллективных ценностей современных россиян среднего возраста – 30–60 лет в условиях социокультурных преобразований российского общества. Особенности формирования ценностей данной социально-демографической группы рассмотрены в разрезе трех возрастных когорт: 50–60 лет, 40–50 лет, 30–40 лет. Анализ ценностей выполнен на основе данных эмпирических исследований отечественных социологов со второй половины XX века по настоящее время. В результате исследования выделены общие и специфические для представленных когорт социализирующие факторы, а также схожие и отличительные ценностные тренды. Показано, что социальное становление старшей возрастной когорты в значительной мере обусловлено социалистическими идеалами, для нее была характерна межпоколенная преемственность основных ценностей. Данная генерация охарактеризована как «переходное поколение», для которого, с одной стороны, оказались значимыми коллективистские ценности советского общества, а с другой – нарождающиеся ценности нового типа. Социокультурными факторами, оказавшими значительное влияние на ценности двух других когорт, выступили: критическое осмысление социалистического наследия поколения «отцов», открытие границ в информационном культурном пространстве, переход к рыночной экономике и демократии, ослабление роли государства в социализации детей и молодежи, усиление возможностей для формирования самостоятельных жизненных стратегий. Сделаны выводы, что для более молодых представителей средневозрастной группы характерны ориентации на индивидуалистическую ценностную модель, неоматериалистические ценности, прагматизм, самостоятельность. Данные ценностные ориентации позволили им более успешно адаптироваться к новым социально-экономическим и политическим условиям, по сравнению с представителями старшей возрастной генерации.

Ключевые слова: *ценности, ценностные ориентации, социокультурные факторы, средний возраст, возрастные когорты.*

Теоретико-методологической основой статьи выступают работы отечественных и зарубежных ученых (Б.Г. Ананьев, А.Н. Алексеев, П.Б. Балтес, P.J. Perun, D.D. Bielby и др.), в которых обосновывается высокая роль прошлых обстоятельств биографического пути для формирования различных компонентов актуальной жизнедеятельности человека [1–4]. Кроме этого, статья опирается на социологические и психологические теоретические обобщения (Р. Инглхарт, D.F. Alwin, R.L. Cohen, Th.M. Newcomb), дающие основания полагать, что ценности, сформированные в молодые годы, сохраняются в основе своей на протяжении всей последующей жизни [5, 6].

Цель данной работы – выявить факторы, обусловившие становление и реализацию коллективных ценностей людей, которые к настоящему време-

---

© Маркова Ю.С., 2017

Маркова Юлия Сергеевна – старший преподаватель кафедры социологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», e-mail: julya-markova@gmail.com.

ни достигли границ среднего возраста – 30–60 лет. Это требует обращения к анализу тех социальных условий, в которых происходил процесс их социализации в молодом возрасте и которые сопровождали их коллективные биографические пути в дальнейшем.

В аналитических целях особенности социализации людей среднего возраста будут рассмотрены в разрезе трех возрастных когорт: 50–60-летних, 40–50-летних и 30–40-летних. Данное разделение условно, границы между выделенными когортами весьма подвижны, и внутри по своим базовым ценностям представители данных когорт также могут отличаться в зависимости от среды взросления, культурного контекста, социальных возможностей и т.п. Однако подобное деление позволит выделить ключевые социализирующие факторы и специфические ценностные тренды, отличающие или сближающие выделенные возрастные группы.

Ранняя социализация и юность старшей возрастной когорты (50–60 лет) совпали с границами одного из самых длительных периодов советской истории – «застоя» 1964–1985 годов, а молодость – с перестройкой второй половины 1980-х годов. Таким образом, социализация в молодом возрасте представителей данной когорты, как это было характерно и для поколения их «отцов», в значительной мере отражала характер социалистической идеологии и практики, что вело к преемственности основных ценностей.

Составить представление о ценностях как свойстве менталитета россиян в эпоху «застоя» позволяют данные Б.А. Грушина [7]. Приоритетными жизненными ценностями, относящимися к общечеловеческим, выступали «мир на Земле» и «высокая духовность, нравственность». Общество «относительного достатка» обеспечивало меньшую обеспокоенность людьми проблемами материального характера, во многом обуславливая приверженность нематериалистическим ценностям. В связи с этим большой ценностью являлось и образование, которое несло в себе не только инструментальный смысл (образование как путь к интересному труду «по способности», как необходимое условие карьерного роста и т.п.), но и терминальный (образование, которое значимо «само по себе», ради знания) [8, с. 241]. Напротив, приносящий удовлетворение творческий труд не входил в число приоритетных ценностей: большинство людей рассматривали трудовую деятельность как способ материального обеспечения. Крайне важной ценностью того времени было также «благополучие Родины», которую Б.А. Грушин относит к разряду новых, собственно социалистических ценностей. Вместе с тем некоторая часть населения – преимущественно молодого возраста – все в большей мере начинала ориентироваться на иные модели общественной жизни.

Во многом это свидетельствовало о нарастающем кризисе советского общества. Несмотря на ряд положительных процессов (определенный экономический рост, новые космические победы, гениальные достижения в сфере

культуры и др.), в обществе «застоя» наличествовали масштабные социальные противоречия: вызрела проблема дефицита товаров; общее повышение благосостояния не соответствовало потребностям людей; «бархатные репрессии» исключали атмосферу всеобщего страха, но одновременно – и свободу слова. В массовом сознании вырисовывалось понимание того, что программа строительства коммунистического общества рушится, это вызывало разочарование в идеалах.

Указанные социокультурные факторы, не изменяя в корне ценностных оснований общества, способствовали ряду ценностных изменений. Во-первых, складывалась диспропорция между ценностями семейно-бытовой, досуговой и социально-творческой, общественно-гражданской сферами жизнедеятельности [2, 7]. Постепенно все больше усиливалось внимание к институту семьи, дружескому общению в противовес обратной тенденции – утрате ориентации на общественно-политическую активность. Данная тенденция может быть объяснена несколькими причинами. Та часть населения, которая утрачивала уверенность в идеалах коммунистического общества, искала опоры в традиционных общечеловеческих ценностях. Еще одним фактором выступило падение эффективности многих видов деятельности [7, с. 869], прежде всего в силу чрезмерной бюрократизации, снижавшей социальную активность.

Второй значимой тенденцией в изменении ценностного сознания следует обозначить нарастающее противоречие трудовых ценностей, разделяемых и реализуемых советскими гражданами, нормативным установкам социалистической идеологии [9, 10]. Приоритетной в сознании рабочих становилась ценность высокой заработной платы, а также связанных с ней ценностей: равномерного обеспечения работой, надлежащей организации и условий труда и т.п. В то же время трудовая самореализация и повышение квалификации находились на последних местах в иерархии трудовых ценностей. Объяснение подобной тенденции следует искать, прежде всего, в социальной среде советского общества. Уже с конца 1960-х годов острый дефицит рабочей силы стал фактором, вызвавшим нарастание антиинтеллектуализма в управлении [11, с. 67], который повлек за собой многочисленные организационные патологии. Наличествовала проблема недостатка производственной и гражданской самостоятельности, тормозящая трудовую активность людей. Совокупность подобных факторов во многом обуславливала переориентацию на самореализацию в иных, нежели общественно-трудовая, сферах. С указанными тенденциями тесно связана, на наш взгляд, еще одна – появление ряда новых ценностных ориентаций – в частности, ценности свободы, или свободной деятельности [7].

Таковой представляется сводная характеристика ценностного сознания россиян в эпоху «застоя», нашедшая отражение в ценностных предпочтениях юношества (сегодняшних 50–60-летних). В 1980-х годах данная возрастная группа продемонстрировала свою приверженность основным социалистическим

ценностям [12, с. 79]. В частности, согласно данным Института социологии АН СССР (1983 г.), для большинства работающей молодежи (63,1 %) высокой значимостью обладала ценность «работы в полную меру своих сил и способностей на благо общества» (см. таблицу).

Становление ценностного мира второй когорты людей среднего возраста (40–50 лет) происходит в годы активного реформирования общественного устройства – перестройки и последующих за ней кардинальных трансформаций 1990-х годов. Ранняя социализация данной возрастной группы отчасти приходится на период «застоя», особенно это касается более старших ее представителей. Поэтому для их ценностного сознания могут оставаться справедливыми характеристики ценностных ориентаций предыдущей возрастной группы.

Осуществляющиеся под руководством М.С. Горбачева преобразования оказали существенное влияние на социализацию подростков и молодежи, которые теперь во многом ориентировались на иные, нежели поколение их «отцов», ценности. Этому способствовало и целенаправленное идеологическое воздействие, оказываемое на молодежь как «движущую силу перестройки». Политика гласности изменила духовную атмосферу в обществе. Ставшие открытыми для широкого культурного пространства многие, ранее не отвечавшие стандартам советской идеологии, достижения отечественной и мировой культуры зачастую вызвали больший интерес у значительной части советских граждан, прежде всего – у интеллигенции и студенческой молодежи, поддерживая дух свободы, новизны, перемен.

Оптимистические настроения в отношении более благополучного будущего, появившиеся в массовом сознании с началом перестройки, стали меняться к ее завершению на противоположные, чему способствовало значительное ухудшение качества жизни людей. На этом фоне массовое распространение получили антикоммунистические настроения.

Таким образом, культурная открытость, массовая доступность информации, критическое осмысление культурно-исторического наследия «отцов» на фоне социально-экономического кризиса советского общества и тенденции к демократизации и строительству экономики по капиталистическому образцу выступили основными социализирующими факторами современных 40–50-летних россиян в годы их юности. Данные факторы обусловили их (во всяком случае более молодых из них) нигилистическое отношение ко многим ценностям родительского поколения – таким, как патерналистское государство, коллективизм, пренебрежение личным благосостоянием ради общего процветания, антизападный настрой [13, с. 14]. Помимо этого, указанные социальные обстоятельства усилили и сделали доминирующими в массовом сознании те ценности, тенденции к изменению которых наблюдались еще в годы «застоя». Ориентация представителей анализируемой нами когорты на так называемые неоматериалистические ценности во многом способст-

вовала более успешной их адаптации к новым социально-экономическим условиям, нежели это было характерно для более старшей возрастной группы – 50–60-летних [14].

Младшая возрастная когорта – люди в возрасте от 30 до 40 лет. Более старшие из них в детстве застали преобразования «перестроечной» эпохи, в целом годы их юности и молодости пришлись на кардинальные трансформации десятилетия 1990-х годов, социализация же в молодом возрасте младших представителей этой когорты завершилась уже в пореформенной России 2000-х годов.

Социализация данной возрастной группы, в отличие от более старших возрастных когорт, в большинстве своем происходила в отличных социально-исторических условиях. После распада СССР в 1991 году Россия окончательно вступила на путь рыночного капитализма и либерализации, что означало и социокультурную открытость Западу. При этом она унаследовала существенные черты общесистемного кризиса Советского Союза [15, с. 140], негативные проявления которого усиливались в ходе экономических и политических реформ 1990-х. Ориентация на первостепенное решение экономических и внешнеполитических задач на фоне кризиса государственного управления привели к фактическому исключению государства из системы целенаправленного идеологического воспитания.

Можно обозначить некоторые принципиальные для анализируемой когорты культурные синдромы. Во-первых, это отсутствие ориентации на прошлое и свобода от советского наследия: представители этой когорты в большинстве своем лишены институционализированной исторической памяти советской социализации [16]. Их биографический опыт не позволяет сравнивать преимущества и недостатки советской и постсоветской социальных систем, но в то же время его характеризует открытость широкому культурному пространству глобализирующегося мира. Это можно назвать второй характеристикой данной возрастной группы. Большое влияние на мировоззрение молодежи стали оказывать телевидение, поп-культура, позднее – мобильная и интернет-связь, компьютерные технологии, социальные сети, видеоигры и т.п. Все это отличало и средства социализации данной когорты, и их ценностные предпочтения в сфере досуга. Литературцентризм как некоторая общая черта поколения их родителей, мода на «толстые» журналы («Октябрь», «Новый мир» и др.) середины 1980-х годов, «театральный бум» рубежа 1980–1990-х годов оставались в прошлом, постепенно уступая место медиа-сфере и цифровым технологиям.

Еще одной отличительной чертой выступает открывшаяся возможность осуществления самостоятельных жизненных «выборов» (типа образования, места жительства, политических ориентаций и т.п.) [13, с. 17]. Этому немало способствовало и ослабление роли государства в социализации молодежи,

и частое несоответствие родительского опыта новым социокультурным условиям, требующее самостоятельности.

Указанные обстоятельства непосредственным образом сказались на ценностном мире молодежи. Здесь уже в полной мере проявилась зарождавшаяся в предыдущих возрастных когортах тенденция к отказу от патернализма и коллективизма и выбор в пользу самостоятельности и индивидуализма. Прагматизм, ориентация на успех и благосостояние стали одними из центральных ценностных черт молодежи, проявив себя в различных сферах жизнедеятельности – образовании, труде. Будучи молодыми, представители когорты 30–40-летних наиболее высоко поддерживали рыночные реформы [14] и существующий стиль государственного управления, ориентированный на деловитость и свободный от исторических или идеологических ограничений [16]. В таблице представлена иерархия базовых ценностей молодежи – разных когорт современной группы людей среднего возраста – в 1983 и 2009 годах.

Иерархия ценностей молодежи в 1983 и 2009 годах

Год	Ценности	Доля опрошенных, %
1983	Иметь благополучную семью, воспитывать хороших детей	74,6
	Иметь хороших друзей, пользоваться уважением окружающих	68,4
	Работать в полную меру своих сил и способностей на благо общества	63,1
	Иметь все возможности для всестороннего развития личности	25,0
	Иметь полный достаток в доме, ни в чем не нуждаться	21,4
	Делать все, что хочется	4,2
	Сделать карьеру	0,3
	Что-то еще	2,8
2009	Наличие крепкой семьи, детей	60,2
	Уважение окружающих	40,2
	Богатство	38,1
	Интересная работа	30,5
	Наличие надежных друзей	28,4
	Возможность быть самому себе хозяином	15,9
	Наличие престижной собственности	12,8
	Высокая должность	12,7
	Яркие жизненные впечатления	11,1
	Быть первым во всем, что кажется важным	9,3
	Честно прожитая жизнь	9,5
	Обладание властью	6,2
	Победа над своими врагами	2,9
Достижение известности, популярности	2,3	

Источник данных 1983 г.: Институт социологических исследований АН СССР «Старт-83 (работающая молодежь)» (<http://sophist.hse.ru/dbp/S=1472/Q=36>).

Источник данных 2009 г.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет / ЦСПиМ. М., 2010. 592 с.

Проведенный сравнительный анализ возрастных когорт, образующих современную социальную группу людей среднего возраста, показал различие социокультурных факторов становления и реализации их ценностей. Ключевым социализирующим фактором для наиболее старших представителей средневозрастной группы выступили идеалы социалистического проекта модернизации, обусловившие коллективистскую направленность их ценностного мира. Одновременно в период юности и молодости современных 50–60-летних наблюдалась тенденция к преобразованиям, касающимся как существующих социальных институтов, так и ценностных основ общества. Обостряющийся кризис в экономической, управленческой и других сферах, нарастающее разочарование в социалистических устремлениях выступили причинами усиления традиционных ценностей, ценностей частной жизни в противовес ценностям общественно ориентированным. Кроме этого, данная возрастная группа застала нарождающиеся процессы нового типа модернизационных изменений. Поэтому, с нашей точки зрения, она не может быть охарактеризована как полностью традиционалистски ориентированное (прежде всего, в социалистическом смысле) поколение, а скорее – как переходное между двумя типами.

Более молодые представители средневозрастной когорты под влиянием «перестроечных» преобразований, постепенного отказа от социалистических идеалов, открытия границ в информационном социокультурном пространстве, перехода к капиталистическим отношениям и демократии все в большей мере воспринимали ценности нового общества, отдавая предпочтение индивидуализму, самостоятельности, прагматическим ориентациям. В условиях разрушения прежних целей общества, ослабления социальных связей, необходимости адаптироваться к рынку с его быстрыми изменениями произошло усиление ориентации на индивидуалистическую ценностную модель.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
2. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. – Т. 1. – СПб.: Норма, 2003. – 592 с.
3. Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 60–80.
4. Perun P.J., Bielby D.D. Structure and dynamics of the individual life course // Life course: Integrative theories and exemplary populations. – Boulder, CO: Westview Press, 1980. – P. 97–119.
5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–23.

6. Alwin D.F., Cohen R.L., Newcomb Th.M. Political Attitudes over the Life Span: The Bennington Women after Fifty Years // *Political Psychology*. – 1994. – Vol. 15, No. 3. – P. 595–598.

7. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. – Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 2. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.

8. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски: в 6 т. – Т. 4: Историко-биографические поиски. Продолжение бесед с социологами / Центр социального прогнозирования и маркетинга. – М., 2014. – 570 с.

9. Ядов В.А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // *Социологические исследования*. – 1983. – № 3. – С. 50–62.

10. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // *Мир России*. – 1998. – № 4. – С. 113–144.

11. Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. – М.: Наука, 1996. – 109 с.

12. Коровицына Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы во второй половине XX века. – М.: Логос, 1999. – 187 с.

13. Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // *Россия трансформирующееся общество* / под ред. В.А. Ядова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 256–271.

14. Хахулина Л.А. Динамика отношения к рыночной экономике (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2001. – № 1. – С. 30–38.

15. Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России // *Вестник Российской академии наук*. – 1997. – Т. 67, № 2. – С. 140–145.

16. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2001. – № 5 (55). – С. 7–14.

References

1. Anan'ev V.G. O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiia [On the problems of modern human science]. Saint-Petersburg, Piter, 2001, 272 p.

2. Alekseev A.N. Dramaticheskaiia sotsiologiia i sotsiologicheskaiia autorefleksiiia [Dramatic sociology and sociological selfreflection]. Saint-Petersburg, Norma, 2003, vol. 1, 592 p.

3. Baltes P.B. Vsevozzrastnoi podkhod v psikhologii razvitiia: issledovanie dinamiki pod'emov i spadov na protiazhenii zhizni [Theoretical propositions of life-span developmental psychology: on the dynamics between growth and decline]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1994, vol. 15, no. 1, pp. 60–80.

4. Perun P.J., Bielby D.D. Structure and dynamics of the individual life course. *Life course: Integrative theories and exemplary populations*. Boulder, Westview Press, 1980, pp. 97-119.

5. Inglkhart R. Postmodern: meniaiushchiesia tsennosti i izmeniaiushchiesia obshchestva [Postmodernity: changing values and changing societies]. *Polis*, 1997, no. 4, pp. 6-23.

6. Alwin D.F., Cohen R.L., Newcomb Th.M. Political attitudes over the life span: the Bennington women after fifty years. *Political Psychology*, 1994, vol. 15, no. 3, pp. 595-598.

7. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniia. Ocherki massovogo soznaniia rossiian vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh knigakh. Chast' 2. Epokha Brezhneva [Essays on Russians' public consciousness in Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin times. Part 2. Brezhnev epoch]. Moscow, Progress-Traditsiia, 2006, 464 p.

8. Doktorov B.Z. Sovremennaia rossiiskaia sotsiologiia: istoriko-biograficheskie poiski. V 6-ti t. Tom 4. Istoriko-biograficheskie poiski. Prodolzhenie besed s sotsiologami [Modern Russian sociology: historical and biographical researches. 6 volumes. Vol. 4. Historical and biographical researches. Further conversations with sociologists]. Moscow, TsSPiM, 2014, 570 p.

9. Iadov V.A. Otnoshenie k trudu: kontseptual'naia model' i real'nye tendentsii [Labor attitudes: the conceptual model and real trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1983, no. 3, pp. 50-62.

10. Magun V.S. Rossiiskie trudovye tsennosti: ideologiia i massovoe soznanie [Russian job values in the ideology and mass consciousness]. *Mir Rossii*, 1998, no. 4, pp. 113-144.

11. Lapygin Iu.N., Eidel'man Ia.L. Motivatsiia ekonomicheskoi deiatel'nosti v usloviakh rossiiskoi reform [Economic activity motivation under the Russian reforms]. Moscow, Nauka, 1996, 109 p.

12. Korovitsyna N.V. Srednee pokolenie v sotsiokul'turnoi dinamike Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XX veka [The middle generation in the socio-cultural dynamics of Eastern Europe in the second half of the twentieth century]. Ed. by Yu.S. Novopashin. Moscow, Logos, 1999, 187 p.

13. Semenova V.V. Differentsiatsiia i konsolidatsiia pokolenii [Differentiation and consolidation of generations]. *Rossia transformiruiushcheesia obshchestvo*. Ed. by V.A. Iadova, Moscow, KANON-pess-Ts, 2001, pp. 256-271.

14. Khakhulina L.A. Dinamika otnosheniia k rynochnoi ekonomike (analiz molodezhnykh kogort nachala i kontsa 90-kh godov) [The dynamics of attitude to the market economy (the analysis of youth cohorts in early and late 1990s)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2001, no. 1, pp. 30-38.

15. Lapin N.I. Dinamika tsennostei naseleniia reformiruemoi Rossii [Values' dynamics of the population in the reforming Russia]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 1997, vol. 67, no. 2, pp. 140-145.

16. Levada Iu.A. Pokoleniia XX veka: vozmozhnosti issledovaniia [Generation of the XXth century: opportunities for research]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2001, no. 5 (55), pp. 7-14.

Оригинальность 89 %

Получено 20.06.2017   Принято 25.07.2017   Опубликовано 29.12.2017

Yu.S. Markova

SOCIO-CULTURAL FACTORS OF VALUES' FORMATION AND IMPLEMENTATION AMONG THE MIDDLE-AGED RUSSIANS

The article is devoted to the analysis of the formation and implementation of collective values among the modern middle-aged Russians (30–60 years old) in conditions of socio-cultural transformations of the Russian society. The features of values formation within this socio-demographic group are examined in view of three age cohorts: 50–60 years old, 40–50 years old, 30–40 years old. The analysis of values is carried out on the basis of empirical studies of Russian sociologists from the second half of the XX century to the present. As a result of the research, general and specific socializing factors for cohorts are identified, as well as similar and distinctive value trends are defined. It is shown that the social formation of the older age cohort is largely molded by the socialist ideals; this cohort is characterized by intergenerational continuity of basic values. This generation is described as a "transitional generation"; on the one hand, the collectivist values of the Soviet society are significant for it, and on the other hand, values of a new type appear. Socio-cultural factors that influenced the values of the other two cohorts included: critical understanding of the socialist legacy of the paternal generation, breaking of the borders in the information cultural space, transition to a market economy and democracy, weakening of the state role in socializing children and youth, strengthening of opportunities for the formation of independent life strategies. It is concluded that younger representatives of the middle aged group are oriented toward an individualistic value model, neo-materialistic values, pragmatism and independence. These values have allowed them to more successfully adapt to new socio-economic and political conditions, compared with the representatives of the older age generation.

Keywords: *values, value orientations, socio-cultural factors, middle age, age cohorts.*

Yuliya S. Markova – Senior Lecturer, Dept. of Sociology, Perm State National Research University, e-mail: julyamarkova@gmail.com.

Received 20.06.2017

Accepted 25.07.2017

Published 29.12.2017